

18+

ПЕТР БОГДАН

Легенда О ВОДЯНОМ КОНЕ

ЧАСТЬ II. ЗАБЫТОЕ МСТИТ ВСЕГДА

Петр Богдан

**Легенда о водяном коне.
Часть II. Забытое мстит всегда**

«Издательские решения»

Богдан П.

Легенда о водяном коне. Часть II. Забытое мстит всегда /
П. Богдан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745723-5

Первая часть романа «Легенда о водяном коне: Тот, кто приходил ночью» была впервые опубликована отдельной книжкой в 2007 г. После чего ее скопировали пираты и выложили в Интернет, где скачали уже более 200 тысяч раз. Вторая часть романа «Легенды о водяном коне: Забытое мстит всегда» публикуется впервые в широком доступе. Главному герою суждено вновь столкнуться со страшным существом. Однако ему предстоит открыть, что в действиях монстра есть глубокий смысл.

ISBN 978-5-44-745723-5

© Богдан П.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	12
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Легенда о водяном коне

Часть II. Забытое мстит всегда

Петр Богдан

Въ си же времяна быша и обри... Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, суцая словены, и насилье творяху женамъ дулебским: аще поехати будяще обрину, не дадяхе въпрячи коня ни вола, но веляхе въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обрина, и тако мучаху дулебыѣ. Быша бо объре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, помроша вси, и не остана ни един обринъ. И есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследъка.

В те времена существовали и обры... Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов – также славян, и творили насилье женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал въпрячь в телегу трех, четырех или пятерых жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и донъне: «Погибли как обры», – их же нет ни племени ни потомства.

Повесть Временных лет

Иллюстратор Александр Анатольевич Гоголев

© Петр Богдан, 2020

© Александр Анатольевич Гоголев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-5723-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

– Ну, вот и вся моя история, – закончил я.

– И что, так и не удалось определить, что это было за животное?! – Татьяна Федоровна откинулась на спинку кресла. Я внутренне улыбнулся тому, как она заметно расслабилась. Все же я неплохой рассказчик!

– Нет. Пленку у меня уже в начале следствия «временно» конфисковали вместе с фотографиями – то бишь, приобщили к делу. Однако, назад я ее, конечно, не получил. Как мне сказал по секрету Петр Васильевич – следователь по особо важным делам, ведущий это дело, – и то и другое забрали в КГБ, там у них есть архив по аномальным явлениям. Кстати, туда попал и мой задокументированный рассказ. Но часть фотографий я, конечно, сохранил. Я показал их подряд всем знакомым биологам и зоологам – по их словам, ничего подобного в природе не существует. Таких животных нет! Так что нам остается вслед за КГБ причислить это существо к аномальным явлениям, и на том успокоится!

– Нет, ну послушай, – вмешалась Марина. – Ведь эти биологи видели фотографии собственными глазами. Неужели им нечего было сказать?!

– Конечно, было. Первое, что они говорили – фальшивка; второе – подделка; третье – что за ерунда, быть такого не может! Большинство ограничивались первым и вторым. Только пару раз я услышал, что это лошадь-мутант, жеребенок-мутант, в общем, игра природы. Но это я и сам могу себе сказать.

– Да, жаль... – протянула Марина. Она явно была разочарована в нашей биологической науке.

– Но все же, кое-что мне удалось узнать! – я сделал паузу и с удовлетворением посмотрел на вновь вспыхнувшие острым вниманием глаза моих слушательниц. – Вы слышали когда-нибудь о водяном коне?!

Обе отрицательно покачали головой.

– Так вот, один из биологов, немного интересующийся тем же, чем и КГБ, то есть аномальными явлениями, сказал мне, что описанное мной существо более всего напоминает водяного коня – мифологическое животное, имеющееся в легендах почти всех европейских народов! По его словам, появляется водяной конь во влажных болотистых местах. При этом он как бы существо скорее энергетическое, чем телесное. Нечто вроде воплощенного зла. Водяной конь возникает там, где злоба и ненависть рассыпаны очень щедро, где люди забыли Бога, – как своеобразная кара. И тогда, соединившись с болотной гнилью и останками мертвых животных, зло рождает чудовище – водяного коня, который будет преследовать и убивать все живое, пока не погибнет сам.

Напряженная тишина, воцарившаяся на добрых два десятка секунд в комнате, вновь послужила чем-то вроде награды моему измученному рассказом сердцу. Казалось, некое наваждение заполнило освещенную льющим из-под низкого потолка мягким светом комнату. И, быть может, всем нам троим на какое-то мгновение почудился призрак водяного коня.

Я дотронулся до чайника.

– Ого, да он почти совсем остыл.

– Да, заговорил ты нас, – встрепелась Татьяна Федоровна, – и чаю с твоими ужасами не выпьешь.

– Ничего! Зато после них чай пьется хорошо.

– Да уж, – поддержала меня Марина, – после таких рассказов просто необходимо согреться. А то зуб на зуб не попадает. – Она взяла чайник и пошла на кухню.

Чай нагрелся быстро. Несколько минут мы почти молча наслаждались горячей влагой, уплетая шоколадные конфеты, которые я в изобилии привез из города.

– А ты, Саша, веришь, что это был именно водяной конь? – вдруг спросила, неожиданно задумавшись о чем-то, Татьяна Федоровна. Чашка с дымящимся чаем замерла на полпути между столом и ее губами.

– Разве мне остается что-то другое? – с улыбкой пожал плечами я. – Все произошедшее со мной сном назвать – увы! – как бы я того не жаждал – невозможно. То, что рассказал мне этот биолог – Вадим – единственное объяснение, и, за неимением другого, я вынужден принять его. Тем более, что, на мой взгляд, оно вполне подходящее.

– Ну, а как на счет кары? – заметила Марина, – В чем была виновата несчастная Света? Или Дэн? Я не понимаю.

– Ну, как тебе сказать... – я немного задумался. – В свое время я немало размышлял над этим. И здесь есть множество вероятных ответов. Во-первых, никто из погибших в Бога толком не верил, что, само по себе, уже великий грех. Во-вторых, кто знает, как они были грешны помимо этого греха? Денис, например, по христианской морали был порядочный прелюбодей, – Марина при этих словах прыснула. – В-третьих, в Индиии есть понятие кармы – совокупности влияния поступков человека в его прежних воплощениях. И, кто знает, если это правда, может быть все они были наказаны за прегрешения в прошлых жизнях? В-четвертых, есть понятие ответственности за поступки отцов и дедов (в христианстве в том числе), то есть они могли пострадать за вину своих предков.

– Да... – заметила как бы сама себе Татьяна Федоровна, – интересно все же было бы узнать, есть ли что-нибудь там, за порогом жизни...

– Нечто наверняка есть, – осторожно заметил я. – В некоторые моменты жизни это чувствуется особенно остро.

– Конечно, – согласно кивнула Татьяна Федоровна, – что-то существует, более мудрое и разумное, чем мы. Но если бы знать наверняка...

– О, Татьяна Федоровна! – рассмеялся я. – Если бы люди все знали наверняка, они вряд ли бы подвергались искушениям. Понятие греха тогда бы давно исчезло. Бог, Провидение, Абсо-

лют – называйте это как хотите – был бы постижим. Такая жизнь, по-моему, была бы весьма скучна.

– Ха! И это я слышу от будущего коммуниста?! – с наигранным пафосом воскликнула Марина, – и где же твой праведный атеизм?

– Мой атеизм всегда со мной! – я строго посмотрел на нее. – Я всегда его ношу в правом заднем кармане джинсов.

– А ну-ка, покажи! Не верю!

– Не веришь? Ну, смотри же! Сейчас я достану из своих широких штанин самый большой атеизм из всех, которые ты когда-либо имела честь лицезреть! – я привстал и полез в карман. – Но где же он? Странно. Отправляясь в поездку, я кладу его именно в этот карман джинсов! Может быть, я его случайно положил в задний левый карман? И там нет! – я с удивлением развел руками. – Может быть, я положил его еще в какой-нибудь карман? – с этими словами я лихорадочно принялся шарить по всем своим карманам, изо всех сил изображая на лице растерянность и испуг. Марина смеялась от души. Татьяна Федоровна тоже не смогла удержаться от улыбки. Наконец, запыхавшись, я перевел дух и в бессилии опустил руки.

– Увы! Должен признаться, по всей видимости, я совершенно случайно оставил его в своей кандидатской книжке. Хотя, – я подмигнул Марине, – для желающих побыть с Матушкой-Природой наедине, он был бы третьим-лишним.

– Да, – вдруг с каким-то энтузиазмом согласилась Татьяна Федоровна, – атеистом легко быть в городе, среди суеты мирской. Но здесь, на свежем воздухе, в лесу – так и чувствуешь, как какие-то силы вливаются в тело. И душе иногда так и хочется вверх, вверх к облакам.

– Боже мой! – я всплеснул руками, – Татьяна Федоровна, признайтесь, в молодости вы, наверняка, писали стихи!

– Признаюсь, – покорно улыбнулась Татьяна Федоровна. – Еще студенткой. И знаете, ребята, когда я их писала, меня охватывало самое настоящее божественное (она подчеркнула это слово) вдохновение.

– Прочтите что-нибудь! – попросила Марина.

Татьяна Федоровна грустно усмехнулась:

– Хотела бы. Да уж не помню ничего. А тетрадки со стихами выбросила раз, после ссоры с мужем. Теперь вот жалею, локти кусаю, да поздно уже. Но вот что интересно: состояние, в котором я писала стихи, я помню очень хорошо, и состояние это было удивительное, до того светлое и чистое – что в нем и нет сомнения – Бог есть, и он несет счастье, и он добр! Жаль, что после него снова охватывали сомнения – вокруг всегда было столько жестокости, и так называемая «настоящая» жизнь просто переполнена грязью и гадостью.

– Да уж, это точно, – сделав сочувствующее лицо, закивал я. Я всегда так делал, когда разговор становился мне неинтересен, а уйти было неприлично.

– Ты нам рассказывал об этом жутком существе, – продолжала тем временем Татьяна Федоровна, – с которым ты столкнулся – водяным или еще каким-нибудь конем, говорил, что это легендарное существо – воплощение зла, что появляется оно там, где зла много, а я думала, как же полно вокруг нас этого зла, и было, и есть, и будет. Полезут и не такие чудовища. Ты рассказывал, и мне вдруг вспомнилась одна история, которую поведала мне еще бабушка. И ты знаешь, Саша, она чем-то похожа на твой рассказ.

Я резко поднял голову от чашки.

– Там есть существо, которое сильно напоминает твоего водяного коня.

– Не может быть! – я впился в глаза Татьяны Федоровны. Появившаяся было сонливая рассеянность испарилась без следа.

Марина с удивлением смотрела на Татьяну Федоровну.

– Однажды вечером, когда мне было лет восемнадцать-девятнадцать, – начала Татьяна Федоровна, – Сталин к тому времени уже умер, и люди уже не так боялись говорить, бабушка – ей тогда было, наверное, не меньше семидесяти – она была еще в полном здравии – принялась говорить мне о прошлом. Как сейчас помню тот вечер: мама с папой ушли в театр, младший брат Гога (теперь Георгий Федорович) убежал к соседскому мальчишке играть, и мы с бабушкой остались одни. – Татьяна Федоровна говорила, лицо ее слегка покраснело, выдавая волнение, но глаза как-то заполнились чем-то большим и теплым, они словно обратились вовнутрь, и через них потекла, волной за волной, вступая в свои права, боль неистребимо живущего в нас прошлого.

– За день перед этим я поссорилась со своим тогдашним кавалером. Я надеялась, что он придет мириться и сочиняла про себя упреки, которые выскажу ему при встрече, – Татьяна Федоровна ласково улыбнулась чему-то внутри себя. – Бабушка оторвала меня от так и не прочитанной страницы учебника и позвала ужинать. За ужином она незаметно вспомнила про свое житье-бытье, и почему-то разговорилась, хотя была не из любительниц «побалакать». Я сначала слушала в пол уха, но потом неожиданно для себя увлеклась и уже не могла пропустить ни одного слова. Может быть, оттого, что бабушка рассказывала о своей жизни очень редко, или оттого, что мне хотелось отвлечься от своих огорчений, но так или иначе я запомнила ее рассказ очень хорошо. Тогда он произвел на меня потрясающее впечатление.

Глава II

– Случилось это в начале тридцатых годов, в самый разгар коллективизации. В каком точно году, не помню. Мужики в нашем районе были, в основном, середняки, в колхозы шли неохотно. В некоторых деревнях ситуация была лучше – где были сильные партячейки и комбеды. Но в большинстве сел поначалу колхозы возглавляли самые крепкие и уважаемые хозяева. Не вступить в колхоз тогда было невозможно – автоматически попадаешь в кулаки и антисоветчики. Сейчас все чаще говорят об этих перегибах. Но мне кажется, вся эта коллективизация была сплошным перегибом.

Бабушка рассказывала, нормативы поставок зерна были совершенно непосильными – приходилось чуть ли не последнюю рубаху снимать. А попробуй хоть пикнуть – сразу попадешь в саботажники. А комбедовцев бабушка откровенно называла дармоедами, лодырями, пьяницами и оборванцами. Сколько я с ней ни спорила, она упрямо стояла на своем: комбедовцы – самые отъявленные бездельники на деревне. Сейчас-то я понимаю, что скорее-то всего была права моя бабушка, но тогда я просто горела от негодования. Но была в бабушке какая-то мягкая мудрость – она не навязывала мне своего, а только приглашала послушать.

В нашей Ивантеевке комбедовцы сразу взяли верх. Мама с папой года за два еще, почуяв, к чему идет, распродали имущество и переехали в город. Дедушка умер в двадцатые от тифа. Но бабушка какое-то время еще жила в деревне – она была вдова красноармейца, вдобавок ей было за пятьдесят – старуха, по тогдашним меркам. Ее никто не трогал. Поначалу она наотрез отказалась покинуть родной дом, но в коллективизацию, как она говорила, ей стало до того тошно, что она сама отдала свой дом родне и переехала к маме с папой. Но в разгар событий, что она мне рассказала, она была еще здесь.

Кое-где мужики сопротивлялись коллективизации более успешно, чем у нас в Ивантеевке. Особенно отличались Мокрый Луг и Зеленовка, объединившиеся в один колхоз. Сейчас этих деревень уже нет – на Мокром Лугу только осталась небольшая бревенчатая постройка – охотники иногда ночуют и не дают развалиться. А Зеленовка вся заросла.

Колхоз, хоть и был там создан, но, конечно, только потому, что мужики понимали: попробуй его не создать. Самые крепкие и умные из тамошних хозяев были избраны в сельсовет и правление колхоза. Бабушка называла их по именам – до того они были известны и почитаемы во всей округе. Председателя она, кажется, дай Бог памяти, называла Игнатом. Редкое имя сейчас, поэтому я и не забыла. Этот Игнат повел дело так: часть посевов укрывать, часть скота укрывать, всячески прибедраться с урожаем – словом, хотел спасти свои деревни от разорения. Так тогда многие пытались делать, не он один. Надеялись приспособиться и пережить лихую годину. А година-то, она чуть ли не в век обернулась! Однако, у Игната со товарищи все шло лучше других. Комбедовцев у них было мало, а тех, кто оставался, удалось подкупить или запугать.

Так более-менее хорошо шли дела у него с год-полтора. Но тут появились двадцатипяти-тиссячники. Помните таких по школьной программе?

Мы с Мариной закивали головами.

– Приехали они в Ивантеевку. Как-никак самое большое село в округе. Приехали с вооруженной охраной и партактивом из города. Местного председателя сразу сместили и поставили двадцатипятидесячника. Уж на что тот старался, а местные активисты свинью подлюжили – пожаловались, «вскрыли», так сказать, недостатки. В окрестных колхозах тоже сняли почти всех председателей, да поставили двадцатипятидесячников. Съездили и в Мокрый Луг, к Игнату. Уж как он сумел их увещевать там, как угодить и обмануть – остался он в тот день председателем. Видно, горой за него встали свои мужички.

Уехало районное начальство с этими двадцатипятидесячниками из села, а на следующий день прибегает к ним в Ивантеевку комбедовец из Игнатового колхоза – так мол и так, контрреволюция свила в нашем колхозе свое кулацкое гнездо. На собрании-то он выступить не посмел.

Районные комитетчики решили схитрить – вызвали к себе сюда одних комбедовцев и активистов. Те воспряли духом, устроили здесь заседание актива, и вечером же, все вместе, с револьверами, заявили в Мокрый Луг. Игнат, естественно, ничего не ожидал. Его и нескольких его ближайших соратников арестовали как вредителей и кулаков. Тем же вечером собрали собрание и возмущенным мужикам показали нового председателя из 25-тысячников. Однако ночью часть мужиков решила взбунтоваться. Они освободили Игната с товарищами, и тот, наверное, от отчаяния, – он понимал, что ни ему, ни деревенским пощады не будет, – в ту же ночь перебил всех комитетчиков, а заодно и активистов. Случайно спасся только один двадцатипятидесячник, только что назначенный новым председателем колхоза – Николай Щербаков. Ты, наверное, знаешь его внуку, – Татьяна Федоровна посмотрела на меня, – Милу Щербакову. Кажется, ты с ней учился.

– Да, знаю. Мир тесен! – пожал я плечами, сделав равнодушное лицо. Однако в моей груди противно заныло.

– Она, кстати, часто приезжает в Ивантеевку, – продолжала ничего не подозревавшая Татьяна Федоровна. – У ней тут родня. Между прочим, – она лукаво посмотрела на меня и Марину, – когда мы встречаемся, она всегда спрашивает о тебе, Саша.

– Весьма польщен, – я растянул свои губы в улыбке. В груди заныло еще противнее. Ну сколько можно упоминать это имя?! Марина тоже улыбнулась. Но в глазах ее, обращенных ко мне, промелькнула настороженность.

– Так вот, на чем я остановилась? Николай Щербаков... – начала Татьяна Федоровна свое продолжение, но тут ей помешали – в сенях хлопнула дверь, и вслед за скрипом половиц послышался приятно хрипловатый баритон:

– Хозяева, можно к вам в гости?

Глава III

Я досадливо поморщился. «К нам в гости» в который раз притащился ивантеевский агроном Виктор Степанович Лютиков. Ничего особенно приятного, кроме баритона, у него не было. Но вдовый агроном явно питал сердечную слабость к нашей Татьяне Федоровне. Я весьма подозреваю, что эта его слабость в значительной мере питалась и надеждой, что городские связи Татьяны Федоровны помогут вырваться из деревенской грязи. Сейчас он опять примется из себя корчить интеллектуала-интеллигента, которому, разумеется, не место здесь. Однако Татьяна Федоровна почему-то вполне снисходительно принимала его ухаживания. Увы! Видно, женское сердце в любом возрасте требует подтверждения своей притягательности.

Вежливость требовала остаться на некоторое время за столом, что я и сделал, проклиная этого кретина за прерванный рассказ Т. Ф. и благословляя его за то, что имя Милы Щербаковой перестало терзать мои нервы.

Агроном, местный светильник разума, начал, как всегда, с критики. Впрочем, это было даже интересно послушать – в отличии от обязательного заключения – совместных с Татьяной Федоровной похвал местной природе, которой никогда не уставала восхищаться моя троюродная тетья. Любопытно, что Лютиков никогда не замечал, что эти заключительные похвалы как-то сводят на нет его предыдущую критику. Стоит ли так критиковать такое красивое место? Но агроном не унывал: любое общение с Татьяной Федоровной, по-видимому, он готов был считать каплей, которая точит камень.

Был в его критике и еще один положительный момент – на стол вываливались деревенские новости, которые всегда, безусловно, колоритны.

– И, представляете, все трактора пришли, а стекалинской «Беларуси» нет! – говорил агроном очередную критическую новость, едва не смахивая себе на брюки чашку с кипятком. – А ведь трактор один из самых новых, и Стекалина доверили его не случайно – работник он хороший, и после майского запоя не пил уже почти три месяца. Ну, думаю, неужели опять сорвался? Выезжаю на место, где должен работать Стекалин – Лясовское поле, чуть в стороне от Мокрого Луга – с Мишей Ивановым, нашим главным механиком, и что мы видим?! Трактор весь перегрелся, работает в холостую, солярка на исходе, а Стекалина и след простыл!!! Ну и сволочь! Извиняюсь за выражение. Наверное, снова запил – не хватило, и ушел в Князевку через Мокрый Лес, туда 5 километров, а в Ивантеевку, обратно – семь. Даже забыл двигатель заглушить – во как приперло! Теперь, наверное, в Князевке у свояка отлеживается. Недели на две в запой с ним на пару. Знает, что ему ничего не будет. И это еще не самый худший работник! Даже на хорошем счету. А просто алкоголиков сколько? Чуть ли не половина! Ну как с такими можно работать?! – он неожиданно запнулся, и глаза его чуть округлились, словно он впервые услышал сам себя и удивился – действительно, «как можно?»

– Нет, с такими людьми невозможно работать! – повторил агроном уже утверждающе. – А мы вот ухитряемся! – он скорчил гримасу. – Работать! Чуть ли не каждый пятый из этих, мягко говоря, работников – судимый. Среди них есть, не спорю, люди, как это говорится, споткнувшиеся и осознавшие, так сказать. Взять, к примеру, Лаптева. Убил по пьянке, раскаялся, работает неплохо, правда, запивает иногда. Но это отдельные случаи. А большинство – попробуй заставь работать. Так они тебе и будут.

– Неужто они все такие? – робко попыталась возразить Татьяна Федоровна.

– А! Почти все! – махнул рукой Лютиков. – Вон, Горелин, «рецидивист», дважды по бытовухе сидел, в глаза так и смеется. «А что, – говорит – начальнички, вы мне сделаете? Я живу тихо-мирно, никого не режу, не бью, порядок не нарушаю. Уволить вы меня все равно права не имеете, так что зарплату, начальнички, все равно платить придется!» И ведь хорошо свои права знает, сволочь! – увлеченный своим красноречием, Лютиков на этот раз забыл извиниться за «выражение». – В городе таких на работу никуда не берут и не прописывают, вот государство и присылает их к нам в деревню – подымать сельское хозяйство! Издевательство это! – чашка с чаем снова едва не очутилась на штанах агронома. – И работу им тут предоставь, и пропиши, и жилье дай! Вот с каждым годом и идут хуже дела. План горит, даже авралы не спасают. Четверть ячменя, считай, уже пропала. А проса – не меньше половины будет. И так – постоянно!

Изредка прерываемый нашими репликами, приятный баритон Виктора Степановича еще минут пятнадцать поносил деревенские порядки в Ивантеевке в частности, и сельское хозяйство страны вообще. Правда, его он критиковал очень кратко и тоже вообще.

– Нет, гробит нас государство, гробит! С такими людьми не только не наработаешь, а совсем все запорешь! – заканчивал он свою очередную пламенную «филиппику». – Совсем ничего в деревне не останется, окромя грязи!

Безысходно-трагический тон его речи показывал, как тяжело ему такому умному, все понимающему, находиться здесь, а глаза с заискивающе-осторожной надеждой были устремлены на Татьяну Федоровну.

– Ну, что-нибудь да останется, Виктор Степанович! – с мягкой улыбкой возразила Т. Ф. – Останется эта природа, холмы, заросшие лесом, эта красота. И наше Спокойное озеро никуда не денется, и воздух тот же чудесный будет.

– Да, природа здесь прекрасная! – Подхватил Виктор Степанович, и я поднялся. Дальше слушать было нечего – предел моего терпения и интереса иссяк, правила вежливости соблюдены, и я спешно ретировался из-за стола, сославшись на желание подышать тем самым свежим воздухом, который сейчас начали и будут еще довольно продолжительное время хвалить два местных кулика.

Впрочем, Татьяна Федоровна совершенно искренне была убеждена, что воздух и вода здесь просто изумительны, что и заставляло ее последние два года, с тех пор как ей в наследство от родни достался этот дом, предпочитать отпуск на малой родине санаторию в более теплых краях. Правда, тут было скучновато, но гостеприимная Т. Ф. всегда умела позвать к себе пару (но не более – слишком хлопотно) гостей. Она нашла старушку, которая здесь жила и присматривала за домом во все время ее отсутствия, и платила ей ежемесячно 10 рублей.

Я вышел во двор. Солнце уже зашло. Быстро смеркалось. Далекий лес безмолвно темнел в вечернем безветрии на противоположном берегу речки. Изумрудные утром поляны сейчас все больше сливались с темно-коричневой зеленью отдельных деревьев. Хорошо видная с пригорка, где весьма удачно расположился дом Татьяны Федоровны, на закат зеркалила небеса нежно лазоревая, с розовыми пятнами все еще освещенных зашедшим солнцем облаков, раскинутая во все стороны гладь Спокойного озера.

Я с наслаждением потянулся и зевнул. В деревне вместе с заходом солнца на меня накатывала непреодолимая сонливость, и дотянуть до «официального» отбоя можно было только с помощью удивительно быстро свежевшего с этим заходом воздуха. Остатки заката еще розовели над верхушками леса, сумерки быстро сгущались, меня очертания предметов, но трудно было представить, что через три часа, если выйти по нужде, тебя обкатит будто ледяной волной ласково-прохладный сейчас ветер.

Я улыбнулся, представив, как Т. Ф. и ее деревенский воздыхатель в очередной раз расхваливают красоты местной природы.

– Ах, какой здесь воздух! Ах, какие деревья! Ах, какие виды! – то и дело слышалось от Т. Ф. Бедному агроному ничего не оставалось, как поддакивать предмету своих воздыханий. И всегда, осторожно начав, он увлекался и начинал искренне расписывать местные достопримечательности. Окончание их бесед (правда, ради справедливости, нужно заметить, что я слышал только две) было до того традиционным, что у меня закрадывалось подозрение, а не было ли оно хитрой женской тактикой, позволявшей Т.Ф. избегать чего-либо определенного в отношениях с агрономом и всякий раз выходить сухой из воды?

Впрочем, воздух здесь действительно был превосходен – чистый, поразительно ясный. А вода – удивительно мягкая. Т.Ф. говорит, экспертиза показала – целебная. Лучшее доказательство здешних достоинств – ее вид: второй год подряд за отпуск Т.Ф. удивительно хорошела. Местная природа действовала на нее куда благотворней, чем южные края.

В каком-то смысле я был единомышленником Т. Ф. На Юг, в Крым или на Кавказ лучше ехать в конце августа – начале сентября, за уходящим летом, а самый разгар его приятней всего проводить на родине. Вот и сейчас у меня «в кармане» лежала путевка в Евпаторию. Но до конца августа еще четыре недели, и приглашение Т.Ф. приехать с Мариной на недельку к ней в Ивантеевку пришлось как нельзя кстати.

«Как нельзя кстати!» – мои губы искривились в усмешке. – И вот на третий день приезда я узнаю, что в любой момент могу здесь натолкнуться на Милу Щербакову!» – от этой мысли мне стало сразу неуютно. – Неужели свет на мне клином сошелся! Неужели мир тесен именно для меня?! А! – я резко взмахнул рукой, прогоняя с обескураживающе неожиданной быстротой накотившее уныние. И почему это я должен непременно с ней встретиться в эти восемь... нет, уже пять, дней? Она вовсе не обязательно должна оказаться тут на этой неделе. «Ну, а как же закон подлости?! – подло выскользнула из подсознания хорошо осведомленная в моих слабостях трусливая объективность. – Ты ведь, Лик, прекрасно знаешь, как безотказно он действует!»

И я понял, что все оставшиеся дни буду с тревожным напряжением всматриваться в любую девичью фигурку на улицах Ивантеевки. Но пока-то я в безопасности. И Милу Щербакову можно было выбросить из головы.

Я вдруг рассмеялся:

– Веселенькая перспектива для Лика! – пробормотал я. – Как там я подумал? «С тревожным напряжением всматриваться в любую девичью фигурку?!» Ха! В то, во что я всматривался всегда с ожиданием – подойдет или не подойдет? И если подойдет, то пойдет или не пойдет? –

я снова рассмеялся своему забавному каламбуру. Но сейчас я был, как это говорится, «с невестой», и потому сделал серьезное выражение лица. Тем более, что сзади скрипнула дверь, и я услышал «невестины» шаги.

– Что, все еще дышишь свежим воздухом? Или думаешь о своем водяном коне?

Я вздрогнул. Мысли о Миле совсем заслонили мою историю – тему нынешнего вечера. Я снова мысленно изругал Лютикова за прерванный рассказ Татьяны Федоровны.

– Этот милый «орешек знаний» еще не собирается направить свои стопы взад?

– «Орешек знаний» тверд, и он не привык отступать! – громко зевнув, сказала Марина. – Он рассказывает сейчас Татьяне Федоровне, какие городские профессии ему нравятся.

– Как?! – я даже обернулся, – Ему удалось прорвать оборону Т.Ф.?

– Т.Ф.? – с шутливым удивлением переспросила Марина. – Это, наверное, Тихоокеанский Флот? Но почему он должен быть в обороне?

– Т.Ф. – не Тихоокеанский Флот, – подыграл я ей, – а сокращенно-уважительное наименование Татьяны Федоровны.

– А-а, – протянула Марина. – В таком случае за нее нечего беспокоиться. У нее такой вид, будто она отошла на заранее подготовленные рубежи.

– Ты уверена? Пойдем, посмотрим! – предложил я, подмигнув. – Может, Т.Ф. понадобится наша помощь? – и, не дожидаясь ответа, я со всей осторожностью устремился в дом. Сняв обувь в сенях, мы на цыпочках прокрались к двери в зал. Выглянув, я чуть было не расхохотался.

Т.Ф. излучала все ту же непроницаемую доброжелательность, а сидевший ко мне спиной Лютиков, все так же эксцентрично взмахивая время от времени руками, рассказывал о том, какие огромные грузы он собрал в прошлый год в Мокром Лесу.

– По-моему, помощь здесь требуется только бедному агроному! – шепнул я Марине, – Т.Ф. – великий дипломат! Вот у кого нужно учиться, учиться и еще раз учиться.

Можно было и дальше наблюдать эту комедию, но я заметил в непроницаемой доброжелательности Т.Ф. признаки усталости и скуки. Моя помощь все же понадобилась. Лютиков просидел бы еще минут двадцать, но я вошел в зал и засыпал Татьяну Федоровну градом хозяйственных вопросов. Светильник разума, наконец, понял, что его время истекло, и шумливо отклонялся, неловко облюнявив руки Т. Ф. и Марины и так сжав мои пять пальцев, что стало ясно – своих двадцати ему точно не хватает.

– Он явно хотел захватить мои пальцы с собой! – объявил я, едва за агрономом закрылась дверь, усиленно потрясая в воздухе правой кистью и разглядывая ее. – Чем-то они ему приглянулись. Наверное, своими ему трудно ковыряться в носу, когда он думает.

– Саша! – укоризненно посмотрела на меня Т.Ф., и я понял, что немного перестарался. – Как ты любишь поерничать! Виктор Степанович очень приятный человек, неплохо воспитанный, с ним можно поговорить. Такие в деревне – редкость. Конечно, он недостаточно образован, сильно не уверен в себе. Но это придает ему еще больше занятости.

– Согласен с вами, Татьяна Федоровна, – миролюбиво проговорил я. – Просто я разозлился на него за то, что он прервал ваш потрясающе интересный рассказ. На самом интересном месте. Может, вы его сегодня закончите? – я уселся на свое прежнее место, призывно глядя на Татьяну Федоровну. Марина устроилась рядышком.

Т.Ф. взглянула на часы и ободряюще улыбнулась:

– Нет, ребята, раз прервался рассказ на самом интересном месте сегодня, значит, это не случайно. Пусть так и остается до завтра. Утро вечера мудренее, время позднее, пора спать. У меня, как вы знаете, режим, – она поднялась с кресла.

– Утром за завтраком я надеюсь обязательно услышать окончание! – сказал я. И голос мой был неожиданно для меня самого очень серьезен.

Глава IV

Утром я проснулся рано, не было еще и семи. Марина мирно посапывала рядом. До восьми ее будить было бессмысленно – Марина любила поспать и все равно ловила бы остатки сна до самой последней минуты. Я встал, оделся и вышел во двор, оставив эту сонюлю женского пола обнимать вместо меня теплую подушку.

Ослепительно-золотистое солнце стояло уже довольно высоко над своим традиционным ивантеевским утренним зеркалом – Спокойное озеро, как всегда добросовестно отражало этот небольшой кружок, уже изрядно припекавший. День обещал быть жарким.

На душе у меня было странное тревожно-тоскливое ощущение. Ощущение нежелания чего-то, что неминуемо должно произойти – так определил его я, поразмыслив. Под утро я плохо спал, часто ворочался. Кажется, мне снилось что-то неприятное. Я так и не смог припомнить, что точно, но вроде бы это был какой-то тяжелый сон, кажется, что-то, связанное с Милой Щербаковой. «Неудивительно» – пожал плечами я.

Лучший способ улучшить свое настроение утром – это облиться ледяной родниковой водой. Еще вчера я запас ведро великолепной родниковой влаги. Я набрал полный ковшик этого ледяного наслаждения и вылил себе на спину. Конечно, удобней, когда тебя поливает кто-то другой, но Марину никогда не добудишься, а Т.Ф. натошак, с шести утра до начала восьмого читает в постели – у нее такой распорядок дня. Однако я и сам неплохо управляюсь. Я взял еще один ковшик и вдруг замер. Мне вспомнился еще один персонаж моего утреннего сна. Это был жеребенок. «Мой» жеребенок!

Я еле слышно выругался. До каких пор меня будет терзать этот призрак? С тех событий минуло уже два года, но редкая неделя не проходит без того, чтобы мне не приснились какие-либо перепевы этого кошмара. Слава Богу, что кровавые видения уже не застают меня наяву. Иногда это происходило в самых неожиданных местах.

Я вспомнил, как однажды это случилось в постели с девчонкой, и горько улыбнулся. Мне пришлось выслушать груды ядовито-ущербных упреков в импотенции. Но зато потом... Неожиданно во мне проснулась такая звериная страсть, что эта смазливая форма в пространстве, подцепленная в подпитии на студенческой вечеринке, просто визжала от восторга. Я думаю, что ее бы стошнило, узнай она, видением каких кровавых кусков женского тела это было вызвано. Почему неожиданно вспыхнувший в моей голове образ растерзанных тел Дэна и Таньки вызвал у меня такую странную реакцию, остается загадкой. В свое время я долго ломал голову над этим странным случаем. Мне кажется, возможно, это была реакция на затопивший меня страх, и желание избавиться от него.

Но это было потом. А сначала... Бешеное нервное напряжение первых дней после гибели Дэна сошло, и меня просто начало развозить. Я не мог даже попасть указательным пальцем в кончик носа – простейшее упражнение. Курам на смех! Но я молодец, справился быстро, – похвалил я себя, – внешние признаки нервного расстройства прошли за каких-то полтора месяца. Но вот внутренние – внутренние тянутся до сих пор...

– Бр-р-р, – я выплеснул застрявший в руке ковшик себе на голову и затряс ею, желая избавиться от нахлынувших не слишком приятных воспоминаний.

– Как хорошо, что все это прошло, все это можно забыть! Все это можно выкинуть из головы! Я чувствую себя превосходно, у меня отличное настроение, просто отличное настроение... – бормотал я, ежась под ледяными струями воды. Такие забавные заклинания всегда мне помогали. Недавно я услышал, что американцы рекомендуют желающим добиться в жизни успеха что-то подобное, и был горд тем, что придумал это раньше для себя сам.

– Уж кто-кто, а я-то преуспевающий человек! – заключил я ход своих мыслей, растираясь полотенцем.

Входная дверь скрипнула, и Т.Ф. подошла ко мне:

– Снова закаляешься с утра?! Молодец! – глаза ее светились одобрением и даже чем-то поболее. Ведь сама Т.Ф. не подвергала себя холодным процедурам. Умные люди всегда возторгаются тем, что могут другие, и чего они не делают сами. В отличие от дураков, которые завидуют.

– А как же! Если хочешь быть здоров – закаляйся! – бодро пропел я. – Попробуйте, Татьяна Федоровна. Вам обязательно понравится!

– Да, наверное, надо попробовать... Когда-нибудь обязательно... – голос Т.Ф. из одобрительного стал неуверенным, а затем вообще перешел во вздох, – но не сегодня...

Увы! Т.Ф. вряд ли «когда-нибудь» пополнит ряды «моржей».

– Что сегодня читали? – вежливо пришел я ей на помощь.

– Чехова. Рассказы.

– Да, Чехов – изумительная вещь! – сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

– Сколько их ни читала, а всегда перечитываю с удовольствием, – Т.Ф. улыбалась своим недавним впечатлениям. – С утра они всегда отлично поднимают настроение.

– По-моему, оно у вас и так всегда отличное.

– Это благодаря моему режиму и утреннему чтению в особенности, – великодушно приняла мой комплимент Т.Ф. – Я пойду к соседке за парным молоком. А ты буди свою невесту – пора готовить завтрак. Я кое-что придумала.

Т.Ф. скрылась за калиткой, а я, почистив зубы, отправился поднимать свою «невесту».

Интересно, почему это состояние так деликатно-дурачки называется? Любовница, конечно, не скажешь, но «подруга», «подружка» – это звучит вполне прилично.

Впрочем, Марина вполне могла бы стать моей невестой по-настоящему. Она нравилась мне.

Я стянул с нее одеяло и в очередной раз убедился, как волнует меня этот пупсик. Марина, как обычно, спала лишь в трусиках, что я всегда приветствую. Ножки вполне приличной длины заканчиваются очаровательными ступнями – представить себе не можете – 35-го размера! Красивые обводы бедер плавно сужаются к пояснице – как раз таким образом, что мужской взгляд поневоле не может выбраться из этого эллипса, замыкаемого шикарной попочкой, и скользит туда-сюда, туда-сюда. Жалко, грудь не видно. Хотя, конечно, она немного маловата, маловата. Впрочем, вполне симпатичная...

Да, Марина – не какая-нибудь мокрошлепка на один раз. К тому же и мозги есть. Правда, не так много, но для особи женского пола их присутствие – уже большое достижение. Смущала меня только ее семья – там царили заколдованные моральные идеалы и нравы чуть ли не пятидесятых годов! До семнадцати лет – до поступления в «универ» – они держали ее под колпаком, чуть ли никуда не выпускали. Но Марина молодец! Расслабляется понемногу. Хотя иногда и действует мне на нервы: так нельзя, эдак нельзя! Ничего, перевоспитаем! Да, ее предки – заповедник живых ископаемых! Я представляю, какой бы разразился скандал, если бы они как-нибудь узнали о моих прошлых похождениях или о подвигах нашей компании. Но они не узнают. Дэна нет, компания давно распалась, «универ» окончен. Прощай, молодость!

Марина дала себя рассматривать с минуту. Затем ее кожа ощутила наступившую прохладу, она поежилась, и свободная правая рука отправилась на поиски одеяла. Одеяла не было.

Правый глаз ее, повернутый ко мне, слегка расщурился и с сонливым укором уставился на меня, а из губ, полуоткнутых в подушку, послышалось полувнятное бурчание:

– Это ты украл мое одеяло? Гадкий мучитель! Разве уже пора вставать? Можно же еще спать и спать... Я так сладко спала. Такой сон видела... Отдай одеяло!

– Ни за что, – непреклонно отрезал я.

– Ну отдай! Отдай! Ну, пожалуйста, – невнятно в подушку заканючила Марина, но глаз ее приоткрылся значительно шире, и в нем появилось игриво-лукавое выражение. Я понял, что она проснулась.

– Давай, вставай. Надо завтрак готовить. Т.Ф. уже пошла за парным молоком. Будешь лежать, оболью, – пригрозил я. – Подымайся, рабочий народ! – я подошел к Марине.

– Берите дубинки и бейте господ! – вскричала вдруг Марина, и ее обманчиво-спокойно лежавшая на диване правая нога попыталась меня лягнуть.

Я ловко увернулся и, схватив Марину за лодыжку, стащил ее на пол. Через секунду я был победителем – руки Марины скручены назад, две соблазнительные округлости уперлись в мою грудь, и я впился поцелуями в ее губы. Несколько мгновений – и ставшие безобидными ладони Марины соединились за моей шеей, лицо Марины порозовело, она страстно отдавалась моим поцелуям, с удовольствием подставляя моим губам свои верхние прелести. И тут...

Я поднялся, поправляя брюки.

– Мы можем опоздать на завтрак, – заметил с улыбкой я.

– Подумаешь! – фыркнула Марина, тоже поднимаясь. Она явно куксилась. Ну и пусть себе куксится. Перебьется. Иногда мне казалось, что в стремлении избавиться от своего пуританского прошлого Марина теряла чувство меры. Пора чистить картошку. Сейчас придет Т. Ф. И ставить себя и Т.Ф. в неловкое положение у меня не было никакого желания.

Глава V

На завтрак была жареная картошка с луком, салат, копченое сало и парное молоко – невообразимое сочетание, которое можно встретить только в деревне. И только в деревне оно не влечет за собой никаких последствий для наших кишок, печени и желудка. По крайней мере, для моих: я ел прежде подобную смесь неоднократно, и все заканчивалось всегда благополучно.

Но Марине такой завтрак был впервой (первые три были более традиционные), и она с изумлением, близким испугу, посмотрела на меня, когда я наложил себе в тарелку кучу картошки и салату, прибавив к ним изрядный кусок сала и бокал молока. Но ее удивление возросло еще больше, когда моему примеру последовала поставившая самовар Т.Ф.

– А-а-а, м-м-м... – невнятно промычала она что-то, и я не смог сдержать улыбки, глядя на ее обескураженное выражение лица. – Но ведь эти продукты несовместимы?! Разве можно есть их все вместе?

– Еще как совместимы, – ободряюще улыбнулась ей Т.Ф. – Это ведь все натуральное. Все самое свежее. Не совместимы они только в городе – но разве там молоко – это молоко? Сметана – это сметана? Наполовину – вода, наполовину – химия, консерванты, Бог знает что! Вот и возникает несварение желудка. А здесь, на свежем воздухе, все идеально сочетается и великолепно переваривается!

– Татьяна Федоровна совершенно права! – поддержал я свою троюродную тетю и сегодняшний завтрак. – Завтрак превосходный! Переваривается великолепно! Проверено на личном опыте. Многократно! – я убедительно-утверждающе посмотрел на Марину.

– Пища прекрасная, высококалорийная. Именно та, что нужна сегодня с утра, – продолжала Т.Ф. – Я не случайно сделала нам именно такой завтрак. Ведь нам всем придется сегодня хорошенько подвигаться.

– Нам? – я удивленно посмотрел на Т.Ф. – Вы говорили, что что-то придумали. Вы пойдете с нами в лес?

– Ты почти догадался, Саша. Только не я пойду с вами в лес, а вы пойдете со мной. Нам предстоит маленькое путешествие – семь километров к тому месту, где пятьдесят лет назад находилась деревня под названием Мокрый Луг!

– И нас там ждет пикник! – воскликнула Марина.

– Вместе с продолжением рассказа о моем водяном коне?! – подхватил я. – Отличная идея, Татьяна Федоровна!

– Так что жуйте быстрее, ребята, и собирайтесь. Лучше нам успеть выбрать в лес до того, как жара отобьет у меня всякую охоту перебирать ногами.

х х х

Однако солнце, не обращая внимания на пока еще прохладный воздух, жарило вовсю, и я с тоской думал о тех семи километрах, которые мне предстояло пройти. Дамы чуть впереди меня шли налегке, а за моим затылком возвышался огромный рюкзак, вместивший в себя, благодаря моему джентельменству, почти все содержимое предстоявшего пикника. Мне оставалось только сетовать на старенькую пятилетнюю «Яву», оставшуюся стоять в сарае. Этот «боливар», к сожалению, не мог вынести троих. Мама с папой обещали мне на окончание университета «Запорожец», но вышла задержка: какой-то ветеран, в чью очередь мне должны были дать машину, заупрямился и поднял скандал. Папа был очень огорчен. Он не любил, когда срывалось данное им обещание. Придется теперь подождать несколько месяцев.

Т.Ф. словно угадала мои мысли:

– Хорошо, что твоя «Ява» может вместить только двух человек. Если бы ты приехал на папиных «Жигулях», я бы не выдержала искушения. А теперь вот выберусь на пешую прогулку. Давно я не ходила так далеко. Все возле деревни хожу, ноги свои жалею.

– О, Татьяна Федоровна, неужели вид из окошка машины может заменить пешую прогулку? Приезжай я хоть на «Волге», вы бы все равно предпочли ей возможность пройтись пешком, – сказал я, поддерживая собственную значимость. Но я слухавил: папа не мог дать мне машину. Он вообще ее никогда мне не давал. Характер у него на этот счет был кулацкий: что твое – твое, что мое – мое. И как это ни печально, в его рассуждениях было много верного: «Жигули» ему бывали часто нужны для дела, а мне хотелось только пофорсить. Я бы и сам так рассуждал на его месте.

Ивантеевка – деревня большая, и почти километр дополнительного пути предстояло пройти по деревенской улице – расхлистанной и раздолбленной, впрочем, вполне соответствовавшей стареньким мазанкам с покосившимися полусгнившими заборами, тянувшимися справа и слева. Новых домов почти не было – выпросить материалы было практически невозможно, а украсть сразу на целый дом трудно; кое-где заплатами виднелись новые доски на стене хлева, или белела подпиравшая хлевную крышу новенькая дополнительная балка. Впрочем, на большинство строений было невозможно найти каких-либо потуг навести марафет – все явно служило хозяевам до тех пор, пока когда-нибудь не разваливалось от их прикосновения. Впрочем, я подозреваю, подобные происшествия позволяли их участникам получать побольше «бюллетней», и поэтому абсолютное большинство древесных материалов могло быть спокойно – им предстояло умереть естественной смертью.

Здороваясь с редкими прохожими, мы миновали последний дом, и вышли по дороге на пастбище, спускавшееся к озеру. Озеро было хорошо в утренних лучах, казалось чистым-чистым, его гладкая, нетронутая ветерком поверхность слепила глаза, отражая солнце. Вдали, отчетливо видные в утреннем прозрачном воздухе, приветливо-маняще зеленели на сине-золотистом фоне острова.

Мне вдруг безумно туда захотелось.

– Съездим туда завтра? – предложил я Марине.

– Съездим, почему бы нет, – стараясь казаться равнодушной, пожалала плечами она. Но по мелькнувшей в ее глазах искорке я понял, что моя идея ей понравилась, – только где тут лодку возьмешь?

– Лютиков даст, я уверен. У него есть лодка? – я обернулся к Т.Ф.

– Кажется, есть, – Т.Ф. задумалась, – Да, есть, он как-то говорил мне, что любит рыбачить.

Навстречу нам показался «Узик». Едва поравнявшись с нами, он остановился, и из него выглянул сам главный агроном собственной персоной. Легок на помине.

– Здравствуйте, в лес собрались? – раздался его приятный баритон.

Т.Ф. сказала несколько дежурных фраз о прекрасной прогулке в приятную погоду с молодежью и пр.

– Значит, вы туда, а я оттуда, – сказал Лютиков. И тут я заметил, что у него сквозь натянутую для нас на лицо улыбку проглядывает сильное раздражение.

– Я только что из Князевки, ездил за Стекалиным, хотел его из запоя выцепить, хотя бы к жене привезти, она бы быстро его на ноги... Но в Князевке его и не было. Свояк божится, что его месяц уже не видел. Хотя Гришка, конечно, мог и в Федоровку уйти – там у него тоже кто-то не то из родни, не то из друзей. Но туда километров семь. Зачем ему туда идти? Пропал, вот так вот! У нас сейчас каждый человек на счету, план горит, а народ, видите как!? – агроном, все более разгорячавшийся, вдруг запнулся, глядя на наши вытянувшиеся физиономии, среди которых только принадлежавшая Т.Ф. пыталась изобразить какие-то попытки сочувствия.

– Так, значит, вы на Мокрый Луг? – чуть смутившись, спохватился Лютиков, – жаль, не могу вас подбросить, чтоб вам ноги-то понапрасну не бить. Надо срочно на Кологривовское поле ехать.

Я вспомнил про лодку и спросил о ней. Лодка у него действительно оказалась.

– Приходи сегодня прямо, вечером, – сказал он дружелюбно-заискивающе, – Я тебе дам ключи от цепи и весла, а то утром меня найти нельзя вашему брату – мы тут встаем не то, что вы, городские.

Он крепко сжал мне руку, попрощался с нами, постеснявшись при шофере любезничать с дамами, и укатил.

– Хороший он человек, – сказал я, глядя в след шлейфу пыли, оставляемому его «Узиком», – только вот одного я понять не могу: чем ему так нравятся мои пальцы? – под смешки дам я поднял правую кисть на всеобщее обозрение, – на ней совершенно отчетливо выделялись отпечатки лютиковской пятерни, перемазанной в машинном масле.

Глава VI

Дорога до Мокрого Луга была удивительно живописной – справа расстиралось Спокойное озеро с рассыпанными вдали островами, слева – поля и поля. Острова постепенно стали ближе, и я заметил, что за первыми из них начали появляться заросли камышей, да и цвет озера изменился – оно как бы позеленело – видно, там часто попадались заросли водорослей. Когда я заметил об этом вслух, Т.Ф. вздохнула:

– Мелеет наше Спокойное озеро. Ничто не вечно – это, конечно, так. Но обмеление можно хотя бы замедлить, насколько я знаю. Его надо как-то чистить, следить за его состоянием, но никому и дела нет. А ведь раньше, говорят, лет двадцать назад, еще километра два можно было проехать – и ни разу не встретить ни водоросли, ни ряски. Страшно подумать, пройдет еще лет двадцать, и все Спокойное озеро затянет травой и тиной.

– Ну почему оно обязательно должно зарости? – возразил я, – Ведь здесь есть же рыбаки, им-то не безразлично, что будет с озером.

– Им-то не безразлично, – с грустным спокойствием согласилась Т.Ф., – но рыбаки-то все любители, на первом месте колхоз, а в колхозе дела идут из рук вон плохо, рабочих рук не хватает – сам вчера слышал!

– Но ведь надо что-то делать! – вмешалась Марина. Ее лицо было в этот момент олицетворением тревоги. – Неужели никто не понимает этого?

– Надо-то надо, и понимать-то понимают, только почти не вспоминают. И делать некому и некогда! – вздохнула Т.Ф. – Оставим лучше эту печальную тему.

Я остановился и посмотрел назад. Было невыразимо-невозможно грустно представить, что лет через двадцать это огромное, отражающее лазоревое небо с редкими облаками зеркало превратится в небольшой пруд возле деревни, окруженный со всех сторон тиной и тростниковым болотом.

Вскоре береговая линия стала уходить правее, и сгустившиеся деревца скрыли от нас предмет нашей общей грусти. Поля справа и слева становились все уже и уже, пока не исчезли совсем. Мы вошли в лес.

На нас пахнуло неподражаемым лесным воздухом, густым, как сметана. Мне всегда безумно нравился этот лесной аромат. Он являет собой некое единство, цельность, а вместе с тем состоит из огромного множества отдельных запахов. Кажется, что сама жизнь со всем ее разнообразием дышит на тебя.

Т.Ф. видимо наслаждалась – вдыхала лесной воздух полной грудью и даже прибавила шагу. Только Марина чуть внутренне напряглась и настороженно всматривалась то вправо, то влево, будто стараясь что-то разглядеть за частоколом деревьев. Наверное, боится. Интересно, почему?

Глинистая дорога неспешно делала малозаметные повороты, кое-где избитый гусеницами и колесами основной путь огибали объезды. Местность медленно поднималась. Дер-

вья то приближались, охватывая дорогу с обеих сторон, то отступали, загораясь от нас небольшими полянками, сплошь заросшими высокой травой, маленькими деревцами и кустарниками. Из-за последних, по-видимому, траву скашивать ленились – чистого места почти не было. Лес был самый обычный – липа, клен, вяз, дуб... Изредка попадались светлые пятнышки берез.

Разговаривая о том о сем, мы медленно шли вверх. Я уже начинал чувствовать усталость. Плечи больно резали ремни рюкзака, правую руку оттягивала сумка. Дамы мои шли, любуясь красотами, наслаждаясь своими привилегиями. Особенно меня раздражала Марина, вертевшая своей головой туда-сюда, как птица с почти таким же вертлявым названием – вертишейка. Нет, чтобы хоть на подъеме взять эту сумку! Как будто первый раз в лесу?! А впрочем, – я задумался, – Марина ведь действительно едва ли не в первый раз в настоящем лесу. По крайней мере, в сознательном возрасте. Родители ее одну никуда не выпускали. Ничего удивительного, что эта сугубо городская особа женского пола чувствует в лесу робость.

Я вздохнул и поправил лямки рюкзака. Придется тащить всю эту снедь до самого конца. Взялся за гуж – не говори, что не дюж.

– Скоро уже, ребята, скоро, – будто услышала мои мысли Т.Ф., и я вновь удивился этой ее способности. У Т.Ф. явные задатки телепата! – Сейчас будет слева поворот на Лясовское поле, а дальше наша дорога пойдет вниз, и где-то через километра полтора – Мокрый Луг.

Действительно, через пару минут мы вышли на гребень, и наша дорога раздвоилась – одна колея уходила налево – там через метров двести лес расступался, и была видна золотистая желтизна свежескошенного поля.

– А почему это поле называется Лясовским? – спросила Марина.

– Не знаю точно, – пожала плечами Т.Ф. – Кажется, краем уха слышала, или отложилось – там раньше хутор был, а фамилия владельца этого была то ли Лясов, то ли Лясовский. Вроде бы от него поле так и прозывается. А дальше мы чуть спустимся, пойдет Мокрый Лес.

– Там что, правда, сыро?

– Ты угадала. Лес этот действительно мокрый, – улыбнулась Т.Ф. – Там сыро даже в самую сушь.

– Тогда там точно должны быть грибы, – заметил я.

– Я тоже на это надеюсь. – Т.Ф. со значением кивнула головой. – Это одна из причин, почему мы туда идем.

Между тем дорога пошла вниз, и вскоре лес стал другим – деревья сдвинулись плотнее, солнечные лучи реже проникали сквозь плотную листву, взгляд почти сразу терялся в пестрой чехарде оттенков темного цвета – коричневого, темно-зеленого, бурого. Пахло сыростью, прелой прошлогодней листвой и пронзительным, таинственно-зовущим запахом грибницы. Среди этих запахов я почувствовал еще один, до боли знакомый – запах мутной воды с водорослями. Откуда он здесь? Ведь мы довольно далеко от Спокойного озера. Этот запах вытянул из моей памяти какое-то смутное беспокойство. Что-то шевельнулось внутри меня, что-

то неясное, неразгаданное, понятное лишь моему подсознанию. Чем-то оно походило на мое утреннее ощущение. Ощущение нежелания чего-то, что неминуемо должно произойти.

Мои губы поползли в грустной усмешке. Нельзя же быть таким мнительным. Я – хозяин своих ощущений, и я иду сейчас отдыхать!

Тем временем мы свернули с относительно приличной грунтовки на почти заросшую дорогу, уходившую под углом направо.

– Уже скоро! – подбодрила меня Т.Ф., и я, вслед за нею вооружившись палкой, принялся сбивать то и дело загоразивавшие дорогу крапиву и лопухи.

Действительно, через несколько минут впереди появился просвет, по нашему приближении он расширился и расширялся, и через десяток шагов мы оказались на краю огромной поляны.

– Ну вот мы и пришли. – Т.Ф. обернулась к нам. – Это и есть Мокрый Луг.

Я остановился и как зачарованный смотрел вперед. Место было потрясающе красиво.

Местность тут чуть подымалась, и сам Луг, на краю которого мы стояли, находился несколько выше окрестностей. Лес расступался во все стороны, словно не решаясь залезть на огромное пространство поляны. Лишь кое-где березы, дубы и остатки фруктовых деревьев островками нарушали ровную гладь ее, на которой, словно сказочный ковер, раскинулось море нетронутой травы. Высокая, по пояс и по грудь человеку, она не знала страха и щедро, расточительно цвела, не думая ни о чем другом, радуясь жизни, звеня голосами тысяч насекомых – я живу! я живу! живу!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.